

DOI: [10.14515/monitoring.2026.2.2885](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.2.2885)

К. А. Галкин

СЦЕНАРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ С МЕСТОМ У ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Галкин К. А. Сценарии формирования идентичности с местом у пожилых людей в сельской местности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 2. С. 92—109. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.2.2885>.

For citation:

Galkin K. A. (2026) Scenarios of Identity Formation with a Place among the Older in Rural Areas. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 92–109. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.2.2885>. (In Russ.)

Получено: 08.01.2025. Принято к публикации: 23.01.2026.

СЦЕНАРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ С МЕСТОМ У ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

ГАЛКИН Константин Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6403-6083

Аннотация. Современная научная литература демонстрирует широкое разнообразие теоретических подходов и эмпирических исследований, посвященных феномену идентичности и ее специфике. Однако концепт идентичности, связанной с местом, по-прежнему нередко рассматривается преимущественно в контексте привязанности к пространству и сопутствующих ощущений принадлежности либо как самостоятельный конструкт, формируемый самим местом и интегрированный в его границы. В исследовании предлагается авторская интерпретация концепта идентичности с местом, основанная на анализе интервью с представителями старшего поколения, проживающими в сельских районах Ленинградской области и Республики Карелия Российской Федерации. Идентичность с местом рассматривается как компонент Я-концепции личности, который может иметь различную степень значимости — от центральной до периферийной, в зависимости от личной рефлексии, жизненного опыта и эмоционального отношения человека к конкретной территории. Анализ эмпирических данных позволил выделить три сценария, демонстрирующих различную степень интеграции идентичности с местом в структуру Я-концепции сельских жителей старшего возраста. Новизна исследования заключается в применении оригинального методологического подхода, основанного на принципах этнографи-

SCENARIOS OF IDENTITY FORMATION WITH A PLACE AMONG THE OLDER IN RURAL AREAS

Konstantin A. GALKIN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher
E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6403-6083

¹ Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. Modern scientific literature demonstrates a wide variety of theoretical approaches and empirical research on the phenomenon of identity and its specifics. However, the concept of identity associated with a place is still often viewed primarily in the context of attachment to space and the accompanying feelings of belonging, or as an independent construct formed by the place itself and integrated into its boundaries. This study offers the author's interpretation of the concept of identity with place, based on the analysis of interviews with representatives of the older generation living in rural areas in the Leningrad region and the Republic of Karelia of the Russian Federation. Identity with a place is considered a component of the Self-concept of personality, which can have varying degrees of significance, from central to peripheral, depending on personal reflection, life experience, and emotional attitude of a person to a particular territory. The analysis of empirical data allowed us to identify three scenarios demonstrating a different degree of integration of identity with place into the structure of the Self-concept of older rural residents. The novelty of the research lies in the application of an original methodological approach based on the principles of ethnographic theory. This approach made it possible to analyze the interview texts in their contextual dimension and allowed us to consider the process of forming identity with a place through the prism of specific territories, emo-

ческого подхода к анализу интервью. Этот подход обеспечил возможность проанализировать тексты интервью в их контекстуальном измерении и позволил рассмотреть процесс формирования идентичности с местом через призму конкретных территорий, эмоциональных связей и личностных само-описаний. Это дало возможность углубленно охарактеризовать процесс становления пространственной идентичности и выявить ее значимость в структуре самовосприятия индивида.

Ключевые слова: старение, пожилые люди, формирование идентичности пожилых людей, сельская местность, идентичность, идентичность с местом

tional connections, and personal self-descriptions. Such an examination made it possible to characterize the process of spatial identity formation in more depth and to identify its significance in the structure of an individual's self-perception.

Keywords: aging, elderly people, formation of the identity of the elderly, rural area, identity, place identity

Введение

Идентичность с местом понимается как совокупность субъективных представлений, переживаний и оценок, через которые личность осмысливает собственное существование в конкретном пространстве. Наравне с другими формами самоидентификации идентичность с конкретной территорией формирует целостную структуру личности [Goffman, 1963: 105; Gilleard, 2022; Wnuk, 2021]. Анализируя субъективные описания значения для человека конкретных территорий, можно проследить особенности формирования его идентичности, особенно у представителей старшего поколения. Данная идентичность рассматривается как элемент самопредставления, тесно связанный с возрастом, социальными контактами и принадлежностью к локальному сообществу. В отличие от привязанности к месту, носящей чаще эпизодический характер и зависящей от отдельных событий, идентичность, изучаемая в данной работе, отличается устойчивостью и выражается в длительной связи индивида с территорией. При этом она формируется под влиянием разнородных событий как случайного, так и закономерного характера. Поэтому целесообразно говорить не о фиксированных и структурно однородных типах или стратегиях идентичности, соотносенной с пространством, а о сценариях. Такие сценарии позволяют рассматривать включение различных интерпретаций пространственной идентичности в зависимости от множественности значений, которые конкретные места приобретают для людей.

Особый интерес представляет изучение представителей старшего поколения. Проведенные ранее исследования свидетельствуют, что в зрелом возрасте восприятие собственной идентичности тесно связано с пространственными, материальными и временными рамками. На протяжении жизненного пути человека данные рамки во многом определяют особенности формирования сценариев идентичности [Weiss, Lang, 2012; Weiss, 2014]. Существенный вклад в развитие

данной тематики внесла М. Э. Елютина, анализирующая эмоциональную привязанность пожилых людей к личным вещам. Ученая продемонстрировала, что значимые предметы играют важную роль в развитии чувства стабильности и самотождественности [Елютина, 2009]. Еще один аргумент в пользу изучения идентичности с местом у представителей старшего поколения — изменчивость и динамичность их самоидентификации. В этом контексте важно выяснить, сохраняет ли пространственная идентичность устойчивость или претерпевает трансформации в зависимости от жизненных обстоятельств [Kotter-Grühn, Kornadt, Stephan, 2015]. В рамках настоящего исследования ставится вопрос о том, какие обстоятельства, последовательности событий и условия способствуют развитию различных сценариев идентичности с местом у представителей старшей возрастной группы, проживающих в сельской местности.

Обзор исследований

Проблематика изучения идентичности занимает одно из центральных мест в современной социологии, психологии и социальной психологии. Особенно активно она разрабатывается в рамках социальной психологии, где были сформулированы ключевые теоретические подходы, оказавшие значительное влияние на смежные дисциплины. Среди них выделяются две базовые теории идентичности, широко применяемые также в социологических исследованиях: теория социальной идентичности (Social Identity Theory), разработанная А. Тэшфелом, и теория самокатегоризации (Self-Categorization Theory), предложенная Дж. Тернером [Tajfel, 1981; Turner, Reynolds, 2012]. Согласно теории социальной идентичности, идентичность понимается как часть внутреннего образа личности, связанная с осознанием своего членства в определенной социальной группе или сообществе. Этот подход позволил рассматривать идентичность как многогранный конструкт, включающий ряд составляющих элементов самоидентификации, объединенных в целостную структуру. Примером может служить организационная идентичность, становящаяся элементом структуры самовосприятия личности и, следовательно, частью общей идентичности индивида [Ashforth, Mael, 1989]. Принадлежность к социальным группам, например к профессиональным или трудовым коллективам, способствует формированию личностной идентичности и структурированию восприятия себя в социальной системе [ibid.].

В теории самокатегоризации процесс построения идентичности понимается как результат категоризации человеком себя и окружающих в зависимости от принадлежности к различным группам [Turner, Reynolds, 2012]. Социальный мир в рамках этой теории делится на «ингруппы» и «аутгруппы». Подобное разделение формируется под влиянием социального контекста и основывается на наборе поведенческих и ценностных атрибутов, характеризующих конкретную группу и отличающих ее от других. Идентификация с группой осуществляется на основании соответствия ожиданиям индивида, а также восприятия схожести между собой и членами этой группы. Аутгруппы, напротив, воспринимаются как противоположные, что делает невозможным включение свойственных им признаков в собственную идентичность [Hogg, 2001]. Важным аспектом здесь выступает процесс поиска индивидом тех групп, с которыми он может соотнести себя и через которые формируется его личностная идентичность.

В настоящем исследовании для анализа идентичности, связанной с местом, используются обе теории — социальной идентичности и самокатегоризации. Это позволяет рассматривать идентичность как совокупность различных составляющих, среди которых важное место занимает не только групповая, но и пространственная идентичность.

Особое внимание в работе уделено концепту идентичности с местом (*place identity*). Одно из ключевых определений идентичности с местом, широко используемых в психологических, социологических и философских исследованиях, трактует данный тип идентичности как принадлежность к единому территориальному, социальному и культурному пространству, очерченному пространственными границами [Qazimi, 2014; Hauge, 2007]. В рамках такого подхода идентичность нередко рассматривается как автономный конструкт, тогда как сами индивиды и их субъективный опыт оказываются выведенными за пределы аналитического фокуса. В современных исследованиях, преимущественно опирающихся на качественную методологию, идентичность с местом определяется как осознание индивидами собственной принадлежности к месту через переживание чувства привязанности к определенному пространству, району, населяющим его людям, а также к предметам и объектам, находящимся в его пределах [Ваньке, Полухина, 2018]. В настоящем исследовании идентичность рассматривается именно в контексте ее субъективного понимания — через способы, которыми индивиды описывают и интерпретируют собственную идентичность в рамках конкретных пространств в нарративах интервью.

Описание идентичности, связанной с конкретным местом, представляет собой сложную и многомерную исследовательскую задачу. Анализ данного феномена предполагает учет совокупности факторов и характеристик, которые затруднительно полноценно зафиксировать и интерпретировать в рамках общепринятых исследовательских процедур, особенно в контексте количественных социологических исследований. Дополнительные методологические трудности обусловлены необходимостью выявления специфики формирования идентичности, соотношенной с местом, а также поиском универсальных критериев, позволяющих определить степень территориальной привязанности [Peng, Strijker, Wu, 2020; Myers, 2006]. Существенным препятствием остается и интерпретация эмпирических данных, связанная с описанием субъективных способов восприятия и осмысления пространства. Аспекты идентичности с местом нередко оказываются скрытыми в глубинных слоях индивидуальных и коллективных нарративов, что обуславливает потребность в постоянном развитии и уточнении аналитического инструментария. В этом контексте особую значимость приобретает анализ траекторий личностного и социального развития, а также способов самоопределения индивида через его связь с конкретным местом или локальным сообществом [Twigger-Ross, Uzzell, 1996].

В процессе формирования идентичности место приобретает субъективные и объективные характеристики: оно включает в себя не только физическую среду, но и эмоциональные, символические и культурные элементы. Среда в этом контексте выступает как совокупность физических и социальных факторов, формирующих чувство принадлежности к определенной территории. Ландшафт, за-

пахи, звуки, визуальные образы и ассоциации с конкретным сообществом создают целостное восприятие места и способствуют возникновению устойчивой пространственной идентичности [Devine-Wright, Lyons, 1997; Hay, 1998]. Эмоциональные нарративы, содержащиеся в интервью, позволяют выявить роль места в повседневной жизни людей и показать, как оно интегрируется в их структуру самовосприятия. В итоге идентичность с местом определяется как субъективное восприятие и отношение личности к конкретной физической локации и сообществам, существующим в ее границах. На основании этого формируются физические и социальные аспекты пространства, воспринимаемого как «ингруппа», то есть как часть собственной идентичности. В рамках эмпирического анализа, проведенного среди представителей старшего поколения, особое внимание уделяется эмоциональным и символическим значениям места, а также влиянию различных обстоятельств и событий на формирование пространственной идентичности.

Для представителей старшего поколения идентичность с местом обладает рядом специфических особенностей. По мере прохождения жизненного пути люди в зрелом возрасте нередко переосмысливают свое отношение к старению, а также пересматривают восприятие собственной привязанности к пространству, в котором они родились или прожили значительную часть жизни [Парфенова, Петухова, 2025]. Этот процесс позволяет рассматривать многослойность и динамичность роли конкретного места в структуре самовосприятия личности и в контексте формирования ее внутреннего образа.

В настоящем исследовании основное внимание уделяется выявлению значения, которое придается идентичности с местом в рамках общей системы самоопределения представителей старшего возраста. Анализ направлен на понимание роли пространства в процессе формирования личностной идентичности, связанной с возрастом и сопровождающими его трансформациями.

Корреляция между возрастом и идентичностью с местом фиксируется в большинстве исследований, посвященных пространственным аспектам старения. Отмечается, что по мере увеличения возраста значимость для индивидов пространства возрастает, а сам возраст оказывается вписанным в определенные пространства и неразрывно связанным с ними [Smith, Levine, Smith, Dumas, Prinz, 2009; Meijering, Lager, 2019]. В подобных условиях идентичность представителей старших возрастных групп формируется вокруг общей культурной среды, коллективных воспоминаний, пережитых событий и практик повседневной коммуникации внутри локальных сообществ [Othman, Nishimura, Kubota, 2013]. Несмотря на устойчивое представление о наличии выраженной связи с местом у представителей старших возрастных групп, существенной лакуной исследований остается недостаточное внимание к факторам, оказывающим как позитивное, так и негативное влияние на формирование идентичности с местом. В частности, работы, анализирующие связь территориальной идентичности с социальным статусом, демонстрируют, что социально-экономическое положение и уровень развития конкретных территорий оказывают значительное влияние на характер идентичности с местом, которая может трансформироваться в зависимости от условий [Ujang, Zakariya, 2018]. Даже при наличии объединяющего фактора социальных связей, положительно влияющих на формирование идентичности, значимыми остаются

уровень развития инфраструктуры, возможности мобильности и формирование комфортной среды проживания, что подчеркивается в ряде психологических исследований [Gillespie et al., 2022; Gifford et al., 2009]. В настоящем исследовании — в дискуссии с преимущественно психологическими подходами — акцент делается на анализе цепочек событий, формирующих сценарии идентичности, и рассматривается широкий спектр проявлений идентичности с местом, от устойчивой привязанности до ее отсутствия.

Концепция анализа сценариев, предложенная Х. Каном и Дж. Винером, позволяет рассматривать сценарии формирования идентичности с местом как последовательные цепочки событий [Kahn, Wiener, 1967]. Эти цепочки выступают аналитической основой для выявления как случайных, так и закономерных событий, а также для их систематизации с целью понимания направлений дальнейшего развития каждого сценария формирования идентичности. В данном контексте анализируются различные вариации значений территории для индивидов, которые впоследствии складываются в целостные сценарии формирования индивидуальной идентичности, связанной с конкретными местами.

Выбор сельской местности как исследовательского контекста обусловлен тем, что ряд авторов отмечает: формирование сельской идентичности не всегда напрямую связано с идентичностью с местом [Oser, 2022; Cain, Willis, 2022]. Поэтому особую важность приобретает анализ чувства привязанности к сельскому пространству и понимание, каким образом сельская идентичность может рассматриваться не изолированно, а как элемент целостной системы самоидентификации личности [Twygger-Ross, Uzzell, 1996].

Методологические основы исследования и эмпирическая база

С точки зрения качественных методов в социологии исследование идентичности представляет собой сложную задачу, прежде всего из-за трудностей в разработке критериев ее измерения. Идентичность, связанная с местом, становится одним из наиболее сложных объектов анализа, поскольку она тесно переплетена с другими формами идентичности и часто рассматривается информантами в качестве фона, сопровождающего их жизненные описания.

При описании сценариев идентичности, представленных в настоящем исследовании, применялся этнографический подход к анализу текстов интервью, предложенный Джеймсом Спрэдди. В рамках этого подхода исследователь рассматривал не только отдельные коды, но и так называемые домены — совокупности событий, действий и объектов, объединенных семантическими связями. Эти отношения, по Спрэдди, представляют собой эмпирические элементы, непосредственно отражающие социальную реальность [Gold, 1997].

Важным элементом анализа выступало осмысление как самой описываемой реальности, так и представлений о ней в повседневном сознании информантов. Работа с данными включала постоянную проверку соответствия анализа содержанию высказываний участников интервью. Коды формировались непосредственно из эмпирического материала и отражали реальные элементы повествования [Spradley, 1979]. Такой подход позволил создать эмерджентные коды, провести рефлексивный анализ и добиться буквального описания процессов самоиден-

тификации. Согласно этнографическому подходу Джеймса Спрэдли, важными элементами анализа социальной ситуации выступают три ключевых составляющих — место, акторы и действия [Spradley, 1980]. Такой метод позволяет детально рассматривать процессы формирования идентичности, выявлять взаимодействие между физическим пространством и социальными отношениями, а также анализировать включенность пространственной идентичности в структуру личностного самоопределения. В настоящем исследовании подобный подход способствовал рассмотрению множественности форм самовосприятия и позволил интерпретировать идентичность как динамичную и контекстуально обусловленную структуру. Идентичность в рамках исследования описывалась через прямую интерпретацию нарративов. Маркеры идентичности с местом, характерные для выделенных сценариев, определялись на основе эмпирических данных. При определении маркеров идентичности автор опирался на следующие домены:

- **идентичность, самость, возраст:** восприятие себя, самооценка, трансформация идентичности, образы других, восприятие пространств, ландшафтные и социальные особенности, роль места в контексте старения;
- **место:** локальные акторы, виды деятельности, объекты и ситуации;
- **восприятие мест:** стратегии и тактики повседневной жизни, способы адаптации и преодоления инфраструктурного дефицита;
- **привязанность к месту:** значение территории в жизни человека, старение в контексте конкретного пространства, социальные взаимодействия, описание и интерпретация мест, восприятие собственной жизни через призму локальной среды.

Исследование было проведено в двух сельских поселениях Ленинградской области и двух поселениях Республики Карелия. При выборе поселений учитывались следующие параметры:

- удаленность от центра (города федерального значения Санкт-Петербург и крупного города регионального значения Петрозаводск) на расстояние более 100 км;
- наличие в населенном пункте постоянно проживающего населения не менее 300 человек;
- наличие в населенном пункте пожилых людей, нуждающихся в медицинской помощи;
- проблемы с инфраструктурой, включая перебои с подачей электроэнергии, отсутствие централизованного водоснабжения и газоснабжения.

Всего было собрано 50 интервью с пожилыми людьми в возрасте от 75 до 85 лет. В каждой из исследовательских локаций было проведено по 25 интервью, что обеспечило равномерное распределение данных и позволило учесть особенности каждой исследуемой местности. Во время полевой работы исследователи проживали в изучаемых селах, что дало возможность глубже понять контекст жизни пожилых людей.

Сценарий объединения

В рамках данного сценария формирования внутреннего образа личности у представителей старшего поколения идентичность с местом не просто интегрируется

в возрастную идентичность, но и становится ее неотъемлемым структурным элементом. Это сплетение личных воспоминаний, бытового опыта, символических ассоциаций и эмоциональных связей с конкретной территорией формирует уникальный тип самовосприятия, где пространство выступает своеобразным зеркалом, отражающим процесс старения. Встречающиеся в интервью описания родного поселения как дряхлого, проблемного, старого, но при этом уютного, не только характеризуют физическую среду, но и метафорически передают восприятие собственного возраста, жизненной усталости и одновременно внутреннего спокойствия, возникающего из устойчивости и привычности среды. В рамках данного сценария решающую роль в формировании идентичности с местом играют устойчивые и позитивные социальные связи. Идентичность формируется преимущественно вокруг соседских отношений, практик взаимной поддержки и длительных форм социальной включенности в жизнь локального сообщества.

Для участников данного сценария место проживания является символом их жизненного пути и своеобразным пространством памяти. Самоопределение этих людей неразрывно связано с конкретной территорией, в пределах которой они прожили значительную часть своей жизни. Они воспринимают окружающее пространство как естественное продолжение самих себя, как часть внутреннего мира. Это пространство не только определяет бытовые практики, но и задает рамки эмоциональной стабильности. Привычный ландшафт, знакомые улицы, неизменные природные контуры, повторяющиеся сезонные циклы становятся маркерами жизненного постоянства. Именно поэтому идея перемены, например переезда, воспринимается ими не просто как трудность, а как угроза целостности собственного «Я». Подобное восприятие можно проиллюстрировать цитатой из рассказа Андрея Платонова «Никита», где мальчик думает, что бабушка не умерла, а «притворилась старой избушкой»: «она нарочно баня, а по правде тоже человек»¹. Эта метафора выражает глубинное слияние человека с местом, когда границы между физическим пространством и личностью стираются. Для участников данного сценария дом, деревня, сад или дорога становятся не просто декорацией, а живыми участниками их жизненной истории, хранящими память и подтверждающими их существование.

Большинство информантов, отнесенных к этому сценарию, не рассматривали возможность переезда из родного места. Они признавали инфраструктурные проблемы, ограниченные возможности, но эти обстоятельства воспринимались как неизбежные и естественные элементы повседневности. В их нарративах часто звучали интонации примирения, спокойного согласия с судьбой, где трудности не воспринимаются как нечто чуждое, а становятся органичной частью уклада жизни:

Ну да, туалетов здесь как не было, так и нет, да, газ теперь есть, но все равно автобусы очень нечасто в город ходят. Но это мое. Я здесь выросла, здесь родилась, здесь прожила очень долго. М это то самое чувство, как в народе говорят: когда каждый куст родной — вот это именно про это. Поэтому нет, я не могу для себя представить переезд в город, да и зачем он нужен мне? Что я там буду делать — здесь хоть знаешь и людей, и все три дорожки тебе знакомы. (Ж., 85 лет, Республика Карелия)

¹ Платонов А. П. Никита. М.: ФТМ, 2013. С. 80.

Такие истории особенно характерны для информантов старше 80 лет. Их рассказы наполнены ностальгическими воспоминаниями, которые не только описывают прошлое, но и создают устойчивую систему смыслов, удерживающую их личную идентичность в рамках конкретного места. Место становится осью, вокруг которой организуется повествование о собственной жизни. В нем сосредоточены и детские впечатления, и трудовые достижения, и утраты, и радости. Все это формирует сложную сеть ассоциаций, которая делает невозможным восприятие себя вне данного пространства.

В этом сценарии поддерживают идентичность социальные связи, устойчивые формы повседневного взаимодействия и укорененность в местных сообществах. Люди описывали соседей, друзей детства, привычные маршруты и локальные события как важные части своей жизненной истории. Они отмечали, что именно благодаря этим социальным контактам и чувству принадлежности к сообществу жизнь сохраняет смысл, даже несмотря на ухудшение условий или сокращение населения в деревнях.

Там был клуб, здесь вот я помню — бегали еще с ребятами, сейчас уже половины из них нет. Да вот дорога развалилась уже, и вообще здесь, конечно, все развалилось: и постройки, и ферма, что была, — все пришло в негодность. Но все равно я по-другому и не мыслю свою жизнь, не могу представить, что мог бы уехать в город, где одни машины и шум. (М., 79 лет, Ленинградская область)

В этих высказываниях отчетливо проявляется не только ностальгия, но и глубокая привязанность к месту как источнику личной устойчивости. Даже разрушенные объекты инфраструктуры сохраняют символическое значение, становясь напоминанием о прошлом, частью индивидуальной и коллективной памяти. Таким образом, ландшафт выступает своеобразным посредником между личной биографией и историей сообщества.

В рамках сценария объединения идентичность с местом выступает не только эмоциональной, но и экзистенциальной категорией. Место превращается в точку опоры, через которую человек осмысляет прожитую жизнь, оценивает свое настоящее и формирует отношение к старению. Проблемы сельской инфраструктуры, ограниченность медицинских услуг, транспортные трудности и социальная изоляция не разрушают эту связь, а, напротив, делают ее более прочной, поскольку усиливают чувство собственной принадлежности и уникальности опыта. В этом смысле пространство становится не только средой обитания, но и основным элементом самопознания.

Следовательно, сценарий объединения можно рассматривать как пример устойчивой интеграции пространственной и возрастной идентичности. Для людей этого поколения место — не просто фон, а живое воплощение памяти, отражение прожитого пути и символ непрерывности жизни, где каждое дерево, дорога и дом становятся частью их внутреннего мира и подтверждением их личной истории.

Сценарий дополнения

Сценарий дополнения, как правило, характерен для возрастной группы от 69 до 75 лет. Для них идентичность с местом дополняет самовосприятие, а не слу-

жит его основой. Эта идентичность проявляется через осознание роли текущего места проживания, его ценности и влияния на качество жизни. Место в данном случае воспринимается как ресурс, обогащающий существующую Я-концепцию и усиливающий чувство внутреннего равновесия и благополучия.

Идентичность с местом участники исследования часто объясняли с точки зрения пользы для здоровья и эмоционального состояния. Пространство описывалось как среда, способствующая восстановлению сил, отдыху и психологическому комфорту. Пожилые люди отмечали значимость природных факторов — свежего воздуха, близости леса, поля, воды — как элементов, формирующих ощущение гармонии и покоя:

Мне ничего больше и не надо, а что еще нужно вообще для счастья — здесь все есть в принципе: воздух свежий, лес, поле и речка. И вот ты здесь живешь, пусть как дикарь или первобытный человек, но живешь. Или приезжаешь — и просто душа отдыхает, отдыхает от этого города, от проблем, от вообще всего. Просто душа дышит здесь этими просторами. (М., 64 года, Ленинградская область)

Данный сценарий чаще проявлялся у тех пожилых людей, кто проживает в сельской местности сезонно, используя ее как пространство для отдыха и восстановления. Идентичность с местом здесь формировалась не как ключевая составляющая личности, а как временная, но значимая часть Я-концепции, актуализирующаяся в определенные периоды жизни. Подобная идентичность играла роль своеобразного «острова спокойствия», компенсируя последствия городской усталости и усиливая субъективное чувство контроля над собственным благополучием. Для этого сценария ключевым фактором выступает инфраструктурный комфорт, который рассматривается как структурообразующий элемент формирования идентичности с пространством. Развитая инфраструктура дополняет социальные связи и усиливает чувство принадлежности к месту.

Особенность сценария заключается в том, что идентичность с местом формируется не столько через социальные связи, сколько через телесные и сенсорные ощущения, взаимодействие с природной средой и личные эмоции. Многие информанты говорили о сельской жизни как о терапевтическом опыте, где тишина, чистый воздух и замедленный ритм существования помогают ощутить себя моложе, свободнее и спокойнее. Пространство воспринимается не только как место пребывания, но и как форма психологического ресурса, способная поддерживать эмоциональное равновесие и укреплять ощущение жизненной полноты.

Ключевым элементом здесь становится осознание пользы и уникальности сельской среды. Ландшафт, климатические условия, ритм жизни — все это рассматривается как источник восстановления сил и духовного обновления. Идентичность с местом в этом контексте не доминирует, но играет поддерживающую роль, создавая баланс между личной автономией и принадлежностью к определенной территории.

Таким образом, сценарий дополнения демонстрирует, как место становится инструментом личного равновесия и своеобразным дополнением к внутреннему об-

разу человека, формируя эпизодическую, но значимую пространственную идентичность, которая укрепляет позитивное восприятие жизни в старшем возрасте.

Сценарий отсутствия

Сценарий отсутствия характеризуется тем, что идентичность с местом не интегрируется в личностную структуру и не становится частью самовосприятия. Представители этого типа, как правило, не связывают себя с конкретной территорией проживания, демонстрируя дистанцированное отношение к сельскому пространству. Для пожилых людей, представителей данного сценария, характерно отсутствие устойчивой пространственной идентичности, что проявляется в их нарративах через нейтральные или отчужденные описания мест, где они живут.

Причины подобного отстранения могут различаться. Во-первых, оно может быть связано с объективными трудностями — инфраструктурным дефицитом, низким качеством жизни, ограниченными социальными и бытовыми возможностями, что делает место проживания скорее вынужденным, чем осознанно выбранным. Во-вторых, отсутствие идентичности с конкретным местом может объясняться недавним переездом, при котором сохраняется связь с прежними, значимыми территориями. В таких случаях личная история и эмоциональные воспоминания оказываются «привязаны» к прежним пространствам, а новые ландшафты остаются внешними и функциональными:

Я здесь недавно, и что сказать — ну, село как село. Я переехал из другого села, и это тот случай, когда ты живешь в каком-то месте с детства, и все родное для тебя становится там. Здесь этого нет, и все в целом по-другому. Поэтому я и не считаю себя местным — ну да, житель этого места зарегистрированный, но не более того. (М., 75 лет, Республика Карелия)

Для представителей этого сценария характерна ориентация на прошлое место жительства, где сохранились эмоциональные и символические связи. Возрастная идентичность в таких случаях может быть полностью автономной, не связанной с конкретными пространствами. Само место проживания рассматривается как инструментальное, то есть выполняющее утилитарную функцию, но не обладающее значимостью для самоидентификации. Ландшафт в нарративах таких информантов нередко описывается без привязки к чувствам, воспоминаниям или сообществам и потому воспринимается как «фон», не включенный в личную историю.

Понимаете, мне сложно вообще сказать, есть ли что-то особенное в этом месте, где я живу. Даже трудно определить, чем оно меня привлекает или что значит. Если говорить просто, то место как место. Когда у тебя нет газа, а свет могут отключать на несколько дней зимой — какие позитивные ассоциации тут могут возникнуть? Скорее всего, никаких. Ты просто живешь здесь и терпишь это все, ведь других вариантов сменить место жительства у тебя, в принципе, нет. (Ж., 81 год, Республика Карелия)

Подобные свидетельства показывают, что пространственная составляющая идентичности может быть ослабленной или вовсе отсутствовать. В рамках это-

го сценария Я-концепция формируется на основании других факторов, например, социальных ролей, воспоминаний, семейных связей или личных достижений, но не через осмысление места проживания. Территория, сообщество и природная среда воспринимаются как второстепенные и не имеющие значения для формирования идентичности. Данный сценарий иллюстрирует ситуацию, при которой идентичность с местом может носить нейтральный либо негативный характер. В этом случае неблагоприятные факторы среды оказывают существенное влияние на формирование идентичности и могут приводить к ослаблению или отсутствию устойчивой связи с конкретной территорией.

Следовательно, сценарий отсутствия демонстрирует, что идентичность человека в старшем возрасте не всегда сопряжена с пространственными характеристиками. В некоторых случаях она может существовать независимо от места, что подтверждает точку зрения исследователей, рассматривающих пространственную идентичность как не значимую для формирования самовосприятия человека. Этот сценарий подчеркивает важность контекста, обстоятельств жизни и личного опыта, формирующих самовосприятие, но не требующих пространственного укоренения.

Подробно характеристики каждого из сценариев, проанализированные по четырем доменам в контексте которых выделялись маркеры идентичности с местом, представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Сводная таблица сценариев формирования идентичности с местом у пожилых людей**

Маркеры идентичности	Сценарий объединения	Сценарий дополнения	Сценарий отсутствия
Идентичность, самость, возраст	Старение и ощущение неизбежности старости; значимость прошлого опыта, прожитого в конкретных местах; воспоминания, встроенные в структуру личной идентичности; восприятие места как части внутреннего образа личности	Сохранение городских тенденций идентичности; восприятие места через призму полезных ресурсов (природа, воздух, вода); значимость личной собственности и дачного участка; улучшение физического и эмоционального состояния при жизни в сельской местности	Отсутствие осознания роли места в личной идентичности; восприятие территории как фона, не влияющего на самоопределение; отсутствие формирования внутреннего образа личности вокруг нового места (особенно после переезда)
Место	Место напрямую связано с возрастом и жизненным опытом; высокая значимость соседской поддержки и локальной коммуникации; восприятие сообщества как основы бытия	Важность природных ресурсов и чистого воздуха; использование территории для самореализации (огород, рыбалка, охота, заготовки); восприятие места как фактора укрепления здоровья и эмоционального равновесия	Место воспринимается исключительно как пространство для жизни; отсутствие интереса к природным или социальным ресурсам; низкий уровень социальной поддержки и вовлеченности

Маркеры идентичности	Сценарий объединения	Сценарий дополнения	Сценарий отсутствия
Восприятие мест	Инфраструктурные проблемы воспринимаются как естественная часть повседневности; жизнь принимается «как есть», без ожиданий изменений	Позитивное восприятие природы и ландшафта; ценность нетронутой природы, их открытости и комфорта; сельская среда как источник восстановления и умиротворения	Акцент на инфраструктурных трудностях, удаленности, ограниченности коммуникации; отсутствие эмоциональной или символической связи с местом
Привязанность к месту	Глубокая связь с пространством; место воспринимается как символ старения и личной истории; высокая символическая ценность	Место как способ познания себя; пространство для отдыха и восстановления; возможность ухода от городской суеты; восприятие инфраструктурных ограничений как естественной части сельской жизни	Место не имеет личной значимости; созданы бытовые сложности и дискомфорт; ассоциируется с трудностями и ограничениями; отсутствие эмоциональной или символической привязанности

Заключение

Применяя этнографический подход к анализу интервью и выявлению ключевых маркеров идентичности с местом, удалось установить, что пространственная идентичность у представителей старшего поколения представляет собой сложный, многослойный конструкт. В ряде случаев она выступает неотъемлемой частью внутреннего образа личности и формирует ядро самовосприятия и влияет на общее понимание собственного «Я».

Анализ нарративов интервью, позволил выделить три сценария соотношения идентичности с местом и общей структуры самовосприятия: сценарий объединения, сценарий дополнения и сценарий отсутствия. Они демонстрируют различные степени интеграции пространственной идентичности в личностную структуру. Основанием для интерпретации послужили теории социальной идентичности и самокатегоризации, позволившие рассматривать идентичность как систему взаимосвязанных социальных и пространственных компонентов.

Результаты исследования подтвердили, что, несмотря на значимость социальных факторов и локальных сообществ, физический ландшафт и эмоциональное восприятие пространства играют важную роль в формировании идентичности у людей старшего возраста. Эмоциональные и когнитивные оценки места варьируются от максимально значимых — как в сценарии объединения, где идентичность с местом становится частью общей Я-концепции, — до почти нейтральных, характерных для сценария отсутствия, в котором место утрачивает личностный смысл. При этом такие факторы, как инфраструктурные особенности, природная среда, жизненные события и социальные взаимодействия, оказываются определяющими для понимания роли места в структуре самовосприятия [Patterson, Williams, 2005; Gustafson, 2001].

В работе обозначены три ключевых фактора формирования идентичности с местом — события, обстоятельства и условия жизни, которые в совокупности опреде-

ляют степень интегрированности пространственной идентичности в Я-концепцию человека. Показано, что идентичность с местом может как играть доминирующую роль в формировании личностной целостности, так и оставаться второстепенным, незначительным элементом.

Исследования идентичности с местом представителей старших возрастных групп — одно из наиболее развивающихся направлений междисциплинарных исследований на стыке социологии, психологии и пространственных исследований. Использование сценарного подхода в рамках настоящего исследования позволило проанализировать различные цепочки событий, приводящие к формированию как позитивной, так и негативной идентичности с местом, а также рассмотреть идентичность как флюидный и изменчивый конструкт. В рамках выделенных сценариев продемонстрирована вариативность идентичности с местом у представителей старших возрастных групп — от выраженной привязанности к конкретной территории до отсутствия устойчивой идентичности с местом. Полученные результаты показывают, что идентичность с местом способна трансформироваться под влиянием совокупности социальных, инфраструктурных и биографических факторов. В этом контексте работа расширяет существующие социологические подходы к изучению идентичности с местом и вносит вклад в междисциплинарную дискуссию о пространственных аспектах старения.

Предложенная в рамках работы методологическая модель изучения идентичности с местом, основанная на этнографическом подходе и детальном анализе интервью, включала рассмотрение четырех ключевых доменов: идентичность и самость, место, восприятие мест и привязанность к месту. Такая структура позволила комплексно описать, как именно представители старшего поколения выстраивают свою пространственную идентичность и как она соотносится с общими контекстами их самоопределения. Преимущества выбранного подхода заключаются в том, что идентичность с местом рассматривается не изолированно и не сводится к понятию «привязанности к территории», а понимается как элемент целостной системы самовосприятия личности. Этнографический подход позволяет исследовать идентичность в естественном контексте — как часть живого нарратива, где личный опыт, язык и повседневные практики становятся источниками формирования смыслов. В сочетании с теориями социальной идентичности и самокатегоризации этнографический подход обеспечивает целостное понимание того, как в естественной речи и личных рассказах конструируется идентичность. Такой метод отвечает принципам естественности, контекстуальности и ясности, что делает его особенно перспективным для дальнейшей работы. Перспективы будущих исследований заключаются в расширении применения данного подхода для анализа других типов идентичности.

Список литературы (References)

1. Ваньке А., Полухина Е. Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2018. Т. 10. № 3. С. 4—34. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34>.

- Vanke A., Polukhina E. (2018) Territorial Identity in Industrial Areas: Cultural Practices of Factory Workers and Contemporary Artists. *Laboratorium: Journal of Social Research*. Vol. 10. No. 3. P. 4—34. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34>. (In Russ.)
2. Елютина М. Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 101—108.
Yelutina M. E. (2009) Elderly People and Old Things in Everyday Life. *Sociological Studies*. No. 7. P. 101—108. (In Russ.)
 3. Парфенова О. А., Петухова И. С. Что значит стареть и быть старым/пожилым? Самоидентификация россиян после 60 лет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2945>.
Parfenova O. A., Petukhova I. S. What Does it Mean to Grow Old and Be Old/Elderly? Self-Identification of Russians after 60 Years. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025. No. 4. P. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2945>. (In Russ.)
 4. Ashforth B. E., Mael F. (1989) Social Identity Theory and the Organization. *Academy of Management Review*. Vol. 14. No. 1. P. 20—39. <https://doi.org/10.2307/258189>.
 5. Cain E. J., Willis J. F. E. (2022) “Does It Identify Me?”: The Multiple Identities of College Students from Rural Areas. *Rural Educator*. Vol. 43. No. 1. P. 74—87. <https://doi.org/10.35608/ruraled.v43i1.1199>.
 6. Devine-Wright P., Lyons E. (1997) Remembering Pasts and Representing Places: The Construction of National Identities in Ireland. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 17. No. 1. P. 33—45. <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0037>.
 7. Gifford R., Scannell L., Kormos C., Smolova L., Biel A., Boncu S., Corral V., Güntherf H., Hanyu K., Hine D., Kaiser F., Korpela K., Lima L. M., Mertig A., Mira R., Moser G., Passafaro P., Pinheiro J., Saini S., Sako T., Uzzell D. (2009) Temporal Pessimism and Spatial Optimism in Environmental Assessment: An 18-Nation Study. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 29. No. 1. P. 1—12. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.06.001>.
 8. Gilleard C. (2022) Philosophical Approaches to Dementia: Some Further Reflections on Agency and Identity. In: M. Goldman, K. de Medeiros, T. Cole (eds.) *Critical Humanities and Ageing: Forging Interdisciplinary Dialogues*. New York, NY: Routledge.
 9. Gillespie J., Cosgrave C., Malatzky C., Carden C. (2022) Sense of Place, Place Attachment, and Belonging-in-Place in Empirical Research: A Scoping Review for Rural Health Workforce Research. *Health & Place*. Vol. 74. Art. 102756. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2022.102756>.
 10. Goffman E. (1963) *Embarrassment and Social Organization*. New York, NY: Springer.
 11. Gold R. L. (1997) The Ethnographic Method in Sociology. *Qualitative Inquiry*. Vol. 3. No. 4. P. 388—402.

12. Gustafson P. (2001) Meanings of Place: Everyday Experience and Theoretical Conceptualizations. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 21. No. 1. P. 5—16. <https://doi.org/10.1006/jevp.2000.0185>.
13. Hauge Å. L. (2007) Identity and Place: A Critical Comparison of Three Identity Theories. *Architectural Science Review*. Vol. 50. No. 1. P. 44—51. <https://doi.org/10.3763/asre.2007.5007>.
14. Hay R. (1998) Croatia: Community, Conflict and Culture: The Role of Soccer Clubs in Migrant Identity. *Immigrants & Minorities*. Vol. 17. No. 1. P. 49—66. <https://doi.org/10.1080/02619288.1998.9974928>.
15. Hogg M. A. (2001) A Social Identity Theory of Leadership. *Personality and Social Psychology Review*. Vol 5. No. 3. P. 184—200. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0503_1.
16. Kahn H., Wiener A. J. (1967) The Next Thirty-Three Years: A Framework for Speculation. *Daedalus*. Vol. 96. No. 3 P. 705—732.
17. Kotter-Grühn D., Kornadt A. E., Stephan Y. (2015) Looking beyond Chronological Age: Current Knowledge and Future Directions in the Study of Subjective Age. *Gerontology*. Vol. 62. No. 1. P. 86—93. <https://doi.org/10.1159/000438671>.
18. Meijering L., Lager D. (2014) Home-Making of Older Antillean Migrants in the Netherlands. *Ageing & Society*. Vol. 34. No. 5. P. 859—875. <https://doi.org/10.1017/S0144686X12001377>.
19. Myers G. (2006) “Where Are You From?”: Identifying Place. *Journal of Sociolinguistics*. Vol. 10. No. 3. P. 320—343. <https://doi.org/10.1111/j.1360-6441.2006.00330.x>.
20. Oser C. B. (2022) The Rural Identity Scale: Development and Validation. *The Journal of Rural Health*. Vol. 38. No. 1. P. 303—310. <https://doi.org/10.1111/jrh.12563>.
21. Othman S., Nishimura Y., Kubota A. (2013) Memory Association in Place Making: A Review. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 85. P. 554—563. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.08.384>.
22. Patterson M. E., Williams D. R. (2005) Maintaining Research Traditions on Place: Diversity of Thought and Scientific Progress. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 25. No. 4. P. 361—380. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.10.001>.
23. Peng J., Strijker D., Wu Q. (2020) Place Identity: How Far Have We Come in Exploring its Meanings? *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Art. 294. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00294>.
24. Qazimi S. (2014) Sense of Place and Place Identity. *European Journal of Social Sciences Education and Research*. Vol. 1. No. 1. Art. 306.
25. Smith C., Levine D., Smith E., Dumas J., Prinz R. (2009) A Developmental Perspective of the Relationship of Racial–Ethnic Identity to Self-Construct, Achievement,

and Behavior in African American Children. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*. Vol. 15. No. 2. P. 145.

26. Spradley J. (1980) Participant Observation. New York, NY: Holt, Rinehart and Winston.
27. Spradley J. P. (1979) The Ethnographic Interview. New York, NY: Holt, Rhinehart & Winston.
28. Tajfel H. (1981) Human Groups and Social Categories. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Turner J. C., Reynolds K. J. (2012) Self-Categorization Theory. In: Paul A. M. Van Lange, Arie W. Kruglanski, E. Tory Higgins (eds.) London: Sage. P. 399—417.
30. Twigger-Ross C. L., Uzzell D. L. (1996) Place and Identity Processes. *Journal of Environmental Psychology*. Vol 16. No. 3. P. 205—220. <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0017>.
31. Ujang N., Zakariya K. (2018) Place Attachment as Indicator for Place Significance and Value. *Asian Journal of Behavioural Studies*. Vol. 3. No. 10. P. 95—103. <https://doi.org/10.21834/ajbes.v3i10.84>.
32. Weiss D., Lang F. R. (2012) “They” Are Old but “I” Feel Younger: Age-Group Dissociation as a Self-Protective Strategy in Old Age. *Psychology and Aging*. Vol. 27. No. 1. P. 153—163. <https://doi.org/10.1037/a0024887>.
33. Weiss J. C. (2014) The Feeling Great! Wellness Program for Older Adults. Oxfordshire: Routledge.
34. Wnuk A. (2021) The Way We Perceive a Place Implies Who Can Live There: Essentialisation of Place and Attitudes towards Diversity. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 75. Art. 101600. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101600>.